

ОГЛАВЛЕНИЕ

ШЕСТЕРКА ВОРОНОВ

Часть первая
ТЕМНЫЕ ДЕЛИШКИ
11

Часть вторая
СЛУГА И РЫЧАГ
111

Часть третья
УДРУЧЕННЫЕ
191

Часть четвертая
КАК ПРАВИЛЬНО ПАДАТЬ
263

Часть пятая
ЛЕД НЕ ПРОЩАЕТ
325

Часть шестая
НАСТОЯЩИЕ ВОРЫ
409

ПРОДАЖНОЕ КОРОЛЕВСТВО

Часть первая
ПОКИНУТЫЕ
471

Часть вторая
СМЕРТЕЛЬНЫЙ ВЕТЕР
535

Часть третья
КИРПИЧИК ЗА КИРПИЧИКОМ
611

Часть четвертая
НЕОЖИДАННЫЙ ГОСТЬ
725

Часть пятая
КОРОЛИ И КОРОЛЕВЫ
795

Часть шестая
ДЕЙСТВИЕ И ЭХО
895

ГРИШИ

СОЛДАТЫ ВТОРОЙ АРМИИ

МАСТЕРА МАЛОЙ НАУКИ

КОРПОРИАЛЫ
(Орден Живых и Мертвых)

Сердцебиты
Целители

ЭФИРЕАЛЫ
(Орден Заклинателей)

Шквальные
Инферны
Проливные

СУБСТАНЦИАЛЫ
(Орден Фабrikаторов)

Прочники
Алкемы

ШЕШТЕРКА
БОРОНОВ

*Кейт — моему тайному оружию
и неожиданному другу*

Часть первая

ТЕМНЫЕ
ДЕЛИШКИ

I ЙОСТ

У Йоста было две проблемы: луна и его усы. Ему надлежало совершить очередной обход дома Худе, но последние пятнадцать минут он слонялся вдоль юго-восточной стены сада, соображая, что бы такое умное и романтичное сказать Ане.

Если бы только глаза у Ани были голубыми, как море, или зелеными, как изумруд. Но они оказались карими — прекрасными, мечтательными, цвета... горячего шоколада? Кроличьей шерсти?

— Просто скажи, что ее кожа — словно лунный свет, — посоветовал его приятель Питер. — Девушки такое любят.

Прекрасный вариант, но кеттердамская погода ему не содействовала. С гавани не веял бриз, и сероватый молочный туман окутал влажным покровом городские каналы и кривые переулки. Даже здесь, среди особняков улицы Гельдштрат, отчетливо попахивало рыбой и трюмной водой, а ночное небо испятнал солоноватый дым из заводских труб на дальних островах. Полная луна смахивала не на драгоценный камень, а на желтоватый нарыв, который требовалось вскрыть.

Может, сделать комплимент смеху Ани? Вот только Йост ни разу не слышал, как девушка смеется. Юмор не был его сильной стороной.

Из дома в примыкающий сад вели двустворчатые двери со стеклянными панелями, Йост уставился на свое отражение в одной из них. Права была мама. Даже в новой форменной одежде он по-преж-

нему выглядел младенцем. Юноша осторожно провел пальцем по верхней губе. Вот бы усы наконец-то выросли... Пушок определенно казался гуще, чем вчера.

Йост служил в городской страже меньше шести недель, и это оказалось совершенно не таким захватывающим делом, как ему виделось. Он-то думал, что будет ловить воров в Бочке или патрулировать гавани, первым осматривая грузы на причалах. Но после убийства того посла в ратуше Торговый совет начал выражать недовольство по поводу обеспечения безопасности. И чем это обернулось для него? Теперь он был вынужден нарезать круги вокруг дома удачливого торгаша. Впрочем, не просто какого-то там торгаша. Советник Худе занимал в правительстве Кеттердама положение выше некуда. Умеют же некоторые делать карьеру.

Йост поправил китель и винтовку, затем похлопал по увесистой дубинке на бедре. А вдруг он понравится Худе? «Этот парень зоркий и проворно орудует палкой, — скажет советник. — Он заслуживает повышения».

— Сержант Йост ван Пуль, — прошептал юноша, наслаждаясь звучанием слов. — Капитан Йост ван Пуль!

— Хватит собой любоваться.

Йост резко обернулся, покраснев до ушей, и увидел, как Хенк и Рутгер вышли в сад. Оба были старше, крупнее и шире в плечах. Они охраняли особняк, то есть работали на самого советника. Это значило, что они носили бледно-зеленые ливреи дома Худе, имели при себе необычные винтовки из Нового Зема и никогда не давали Йосту забыть, что он всего-навсего мелкая сошка из городской стражи.

— Как бы ты ни ласкал этот пушок, расти быстрее он не будет, — с громким смехом добавил Рутгер.

Йост попытался сохранить остатки достоинства.

— Мне нужно закончить обход.

Рутгер толкнул Хенка локтем.

— То есть он хочет сунуть нос в мастерскую гришей, чтобы полюбоваться своей девушкой.

— «О, Аня, ты не могла бы воспользоваться магией гришей, чтобы помочь мне отрастить усы?» — поддразнил Хенк.

С пылающими щеками Йост развернулся на каблуках и зашагал вдоль восточной части особняка. Эти двое издевались над ним с пер-

вого же дня. Если бы не Аня, он, скорее всего, подал бы своему капитану прошение о переводе. Во время обходов им с Аней удавалось обменяться парой слов, и это всегда была лучшая часть вечера.

И стоило признать, дом Худе Йосту тоже нравился — по крайней мере те части дома, которые он мельком видел, заглядывая в окна. У Худе был один из самых роскошных особняков на Гельдштрат — с полами, выложенными сверкающими квадратами из черного и белого камня, со стенами, облицованными блестящими панелями из темного дерева. Все это освещали люстры из дутого стекла, похожие на медуз, плававших под кессонными потолками. Иногда Йосту нравилось воображать, что это его собственный дом, что он сам — богатый торгаш, который просто вышел прогуляться по своему прекрасному саду.

Прежде чем завернуть за угол, Йост глубоко вздохнул. «Аня, твои карие глаза похожи на... древесную кору?» Что-нибудь придумает. Ему всегда лучше давалась импровизация.

Он удивился, увидев открытыми двери со стеклянными панелями, ведущие в мастерскую гришей. Эта мастерская свидетельствовала о богатстве Худе больше, чем расписанные вручную голубые изразцы на кухне или каминные полки, уставленные тюльпанами в горшках. Контракты с гришами стоили недешево, а Худе нанял аж троих.

Но Юрия за длинным верстаком не оказалось, и Ани нигде не было видно. Был только одетый в темно-синюю мантию Ретвенко — развалился в кресле, закрыв глаза, с открытой книгой на груди.

Йост потоптался в дверях, затем кашлянул.

— Мастерскую следует на ночь закрывать на замок.

— В доме жарко, как в печке, — не открывая глаз, ответил Ретвенко с тяжелым протяжным равкианским акцентом. — Передай Худе: как перестану потеть — закрою двери.

Ретвенко был шквальным, старшим из тройки кабальных гришей — в его шевелюре пробивалась седина. Ходили слухи, что в гражданской войне в Равке он сражался на стороне проигравших и после окончания боевых действий сбежал в Керчию.

— С радостью передам ваши жалобы советнику Худе, — солгал Йост. В доме всегда было жарко, как будто советник считал своей обязанностью сжигать уголь, но Йост не собирался ни о чем ему общаться. — А до тех пор...

— Ты принес новости о Юрии? — перебил Ретвенко, наконец-то разлепив тяжелые веки.

Йост с беспокойством взглянул на миски с красным виноградом и груды бордового бархата на верстаке. По приказу госпожи Худе Юрий трудился над покраской штор путем переноса цвета с ягод на ткань, но несколько дней назад тяжело заболел, и с тех пор Йост его не видел. Бархат понемногу покрывался пылью, а виноград начал портиться.

— Я ничего о нем не слышал.

— Конечно, не слышал. Ходишь тут, весь такой деловой, в этой своей дурацкой фиолетовой форме.

Ну к форме-то зачем придирается? И с какой стати Ретвенко вообще торчал в мастерской? Он был личным шквальным Худе и часто сопровождал особо ценные грузы советника во время путешествий, гарантируя попутный ветер, который доставил бы корабли в гавань быстро и надежно. Почему он сейчас не в море?

— Возможно, Юрия поместили в карантин.

— Сама любезность... — ухмыльнулся Ретвенко. — Прекрати вытягивать шею, как любопытная гусыня. Ани тут нет.

Йост опять покраснел до ушей.

— Где она? — спросил стражник, стараясь, чтобы голос звучал внушительно. — Ей полагается быть в доме после наступления темноты.

— Час назад Худе забрал ее. Совсем как в тот вечер, когда пришел за Юрием.

— В смысле, «пришел за Юрием»? Юрий заболел.

— Худе пришел за Юрием, Юрий вернулся больным. Два дня спустя Юрий исчез навсегда. Теперь Аня.

«Навсегда?..»

— Может, что-то случилось. Если кто-то нуждался в исцелении...

— Сперва Юрий, теперь Аня. Я буду следующим, и никто не заметит, кроме бедного маленького служаки Йоста. Пошел вон.

— Если советник Худе...

Ретвенко поднял руку, и порыв ветра отбросил Йоста назад. Йост попытался удержаться на ногах, схватившись за дверную раму.

— Я сказал, вон! — Ретвенко начертил в воздухе круг, и створки захлопнулись. Йост разжал хватку как раз вовремя, чтобы ему не прищемило пальцы, и отлетел в сад.

Вскочил так быстро, как только смог, и принялся стряхивать грязь со своей формы, чувствуя, как от стыда все внутри скручивается. Одна из стеклянных панелей в двери треснула от удара. По ту сторону виднелась ухмыляющаяся физиономия шквального.

— Это вычтут из жалованья! — Йост указал на разбитое стекло и тотчас же сам себя возненавидел за то, как визгливо и жалобно это прозвучало.

Ретвенко махнул рукой, и двери дрогнули. Йост невольно попятился.

— Займись обходом, щенок сторожевой! — крикнул Ретвенко.

— Отлично поболтали, — хихикнул Рутгер, прислонившись к садовой ограде.

Как долго он там простоял?

— Неужели тебе нечем заняться, кроме как ходить за мной по пятам? — спросил Йост.

— Всем охранникам приказано явиться в лодочный сарай. Тебе тоже. Или ты слишком занят, заводя друзей?

— Я просил его закрыть дверь.

Рутгер покачал головой.

— Его не надо просить. Ему надо приказывать. Они — слуги, а не почетные гости.

Йост зашагал рядом с Рутгером, внутренние терзания из-за того, что его унизили, никак не унимались. Хуже всего было то, что охранник сказал чистую правду. Ретвенко не имел права так с ним разговаривать. Но что Йосту оставалось делать? Даже если бы у него хватило смелости ввязаться в драку со шквальным, это было бы все равно что драться с дорогой вазой. Гриши были не просто слугами, а приобретением, которым Худе необычайно дорожил.

Что имел в виду Ретвенко, когда говорил, что Юрия и Аню забрали? Может, он прикрывал Аню? Кабальным гришам неспроста надлежало оставаться в доме. Тот, кто ходил по улицам без охраны, рисковал попасться в лапы работорговцам и сгинуть навсегда. «Может, у нее свидание», — уныло предположил Йост.

Его размышления были прерваны вспышкой и оживлением у лодочного сарая, который находился у самого канала. На противоположном берегу высились красивые изящные особняки других торгашей.

Их аккуратные фронтоны проступали черными силуэтами на фоне ночного неба, а сады и лодочные сараи были освещены фонарями.

Пару недель назад Йосту сообщили, что в лодочном сарае Худе начинается ремонт и во время обходов туда заглядывать не надо. Но когда они с Рутгером вошли, стражник не увидел ни ведер с краской, ни строительных лесов. Прогулочные гондолы вместе с веслами сдвинули подальше, к стенам. В помещении собрались прочие охранники в ливреях цвета морской волны. Йост узнал двух своих сослуживцев из городской стражи в фиолетовой форме. Но большую часть внутреннего пространства занимал огромный ящик — что-то вроде отдельно стоящей тюремной камеры, сделанной, судя по виду, из армированной стали, с множеством заклепок вдоль стыков и большим окном в одной из стен. Через волнистое стекло Йост разглядел сидящую за столом девушку в красном шелковом платье, крепко обнимавшую себя за плечи. За ней по стойке «смирно» стоял еще один городской стражник.

Йост вздрогнул, осознав, что смотрит на Аню. Она была бледна, а в распахнутых карих глазах плескался страх. Напротив девушки сидел маленький мальчик, чей испуг казался вдвое сильнее. Его волосы были взъерошены со сна, и он нервно болтал ногами, не достававшими до пола.

— Зачем столько охраны? — спросил Йост.

В лодочный сарай набилось, должно быть, больше десяти человек. Советник Худе тоже присутствовал, вместе с другим торговцем, которого Йост не знал; оба они были в черном, как заведено у торговцев. Йост расправил плечи, увидев, что они разговаривают с капитаном городской стражи. Он понадеялся, что стряхнул с формы всю садовую грязь.

— Что происходит?

Рутгер пожал плечами.

— Какая разница? Что-то непредвиденное.

Йост опять заглянул в окно. Аня смотрела в его сторону, но взгляд был рассеянным. В первый день его службы в особняке девушка залечила ему синяк на щеке. Всего-то желтовато-зеленый след от удара, полученного во время тренировки, но Худе заметил. Как выяснилось, он не любил, когда у охранников такой вид, будто они любят подражаться. Йоста отправили в мастерскую гришей, и Аня усадила его там, где из окна падал яркий солнечный свет, какой бывает на исхо-

де зимы. Прохладные пальцы прошлись по коже, вызвав ужасный зуд, но через несколько секунд синяк пропал, словно его и не было.

Когда Йост поблагодарил Аню, она улыбнулась, и юноша пропал. Он понял, что дело безнадежно. Даже прояви целительница к нему хоть какой-то интерес, он бы никогда не смог выкупить ее кабальный контракт у Худе, а она не имела права выйти замуж без соответствующего распоряжения советника. Но это не мешало Йосту заглядывать к ней, чтобы поздороваться или принести какой-нибудь подарочек. Больше всего ей понравилась карта Керчии — причудливое изображение их островного государства, окруженного русалками, плавающими в Истиноморе, и кораблями, гонимыми ветрами в образе толстощеких мужчин. Это был дешевый сувенир, какие туристы покупают на берегах Восточного Обруча, но, похоже, подарок пришелся девушке по душе.

Он рискнул поднять руку в знак приветствия. Аня не отреагировала.

— Она тебя не видит, придурок, — засмеялся Рутгер. — Стекло зеркальное с другой стороны.

Щеки Йоста порозовели.

— Откуда мне было это знать?

— Разуй глаза и хоть раз будь повнимательней.

«Сперва Юрий, теперь Аня».

— Зачем им понадобилась целительница? Мальчик ранен?

— Да вроде с ним все хорошо, как я погляжу.

Капитан и Худе, похоже, о чем-то договорились.

Через стекло Йост увидел, как Худе вошел в камеру и ободряюще похлопал мальчика по плечу. Должно быть, в камере имелись вентиляционные отверстия, потому что Йост услышал, как Худе сказал:

— Будь храбрецом и получишь пару крыге. — Потом он схватил Аню за подбородок своей рукой, покрытой старческими пятнами. Девушка напряглась, и у Йоста все сжалось внутри. Худе чуть встряхнул ее голову. — Делай что велено, и все закончится быстро, *йа?*

Девушка натянута улыбнулась.

— Разумеется, онкль.

Худе что-то прошептал стражнику, стоявшему позади Ани, и вышел. Дверь захлопнулась с громким лязгом, и советник вернул на место тяжелый брус засова. Он и другой торговец встали почти перед Йостом и Рутгером.

— Уверены, что это мудрый поступок? — спросил торговец, который был Йосту незнаком. — Эта девушка — корпористка. После того, что случилось с вашим фабрикатом...

— Окажись на ее месте Ретвенко, я бы переживал. Но у Ани добрый нрав. Она целительница. К агрессии не склонна.

— И вы снизили дозу?

— Да, но мы же договорились, что если результат будет такой же, как с фабрикатом, Совет все компенсирует? Не принуждайте меня терпеть подобные убытки.

Когда торговец кивнул, Худе подал знак капитану.

— Приступайте.

«Результат такой же, как с фабрикатом». Ретвенко заявил, что Юрий исчез. Выходит, он это имел в виду?

— Сержант, — сказал капитан, — вы готовы?

Стражник внутри камеры ответил:

— Да, сэр.

И вытащил нож.

Йост с трудом сглотнул.

— Первая проверка, — сказал капитан.

Стражник наклонился и велел мальчику закатать рукав. Мальчик подчинился и вытянул руку, засунув большой палец другой руки в рот. «Он для такого слишком взрослый», — подумал Йост. Но мальчик, судя по всему, чего-то страшно боялся. Йост почти до четырнадцати лет спал с игрушечным медведем, над чем безжалостно насмехались его старшие братья.

— Будет немного больно, — предупредил стражник.

Мальчик округлил глаза, держа большой палец во рту, и кивнул.

— На самом деле в этом нет необходимости... — начала Аня.

Стражник похлопал мальчика по спине, а потом одним взмахом оставил на его предплечье ярко-красный порез. Малыш немедленно расплакался.

Аня попыталась встать со стула, но стражник сжал ее плечо, удерживая на месте.

— Все в порядке, сержант, — сказал Худе. — Пусть она его исцелит.

Аня подалась вперед, нежно взяла ребенка за руку.

— Тс-с, — тихо сказала она. — Давай я помогу.

Мальчик сглотнул.

— Это больно?

Она улыбнулась.

— Вовсе нет. Просто немного зудит. Пожалуйста, постарайся не шевелиться.

Йост невольно подался вперед. Он ведь на самом деле ни разу не видел со стороны, как Аня кого-то исцеляет.

Девушка достала из рукава носовой платок и вытерла кровь. Потом ее пальцы осторожно коснулись раны. На глазах у изумленного Йоста края начали медленно срастаться, а кожа — восстанавливаться.

Через несколько минут мальчик с улыбкой уставился на свою руку. Та чуть покраснела, но в остальном была гладкой, без отметин.

— Это волшебство?

Аня легонько стукнула его по носу.

— В каком-то смысле. Такую же магию творит твое собственное тело, если дать ему больше времени и забинтовать как надо.

Ответ, похоже, разочаровал ребенка.

— Хорошо, хорошо, — нетерпеливо проговорил Худе. — Теперь — *парем*.

Йост нахмурился: слово было незнакомым.

Капитан подал знак сержанту.

— Второй этап.

— Вытяни руку, — снова велел сержант мальчику.

Тот покачал головой.

— Мне эта часть не нравится.

— Выполняй приказ.

Нижняя губа ребенка задрожала, но он вытянул руку. Охранник снова его порезал. Затем положил на стол перед Аней конвертик из вошеной бумаги.

— Проглоти содержимое пакета, — велел Худе.

— Что в нем? — спросила она дрожащим голосом.

— Не твое дело.

— Что в нем? — повторила она с нажимом.

— Оно тебя не убьет. Мы хотим, чтобы ты выполнила несколько простых заданий, это позволит оценить действие препарата. Сержант должен проконтролировать, что ты делаешь лишь то, что тебе говорят, и ничего большего, — поняла?

Девушка стиснула зубы, но кивнула.